

В окопах под Сморгонью

Газовые атаки на территории Беларуси в годы Первой мировой войны

Михаил
СМОЛЬЯНИНОВ,
кандидат
исторических наук,
доцент

Первая мировая война 1914–1918 годов, развязанная с одной стороны Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция и Россия) – с другой, втянула в орбиту борьбы многомиллионные армии, поставила на службу молоха уничтожения людей все новейшие на тот период достижения науки и техники, мобилизовала гиганты промышленности на производство средств уничтожения и разрушения.

В ходе Первой мировой войны впервые, наряду с мощным огнестрельным, было применено оружие массового уничтожения живой силы – химическое оружие. Идея открытия, разработки и производства химических отравляющих веществ зародилась и увенчалась «успехом» еще в XVIII веке. Именно в то время учеными были открыты такие ядовитые вещества, как хлор и фосген, а в 1860-х годах им стал известен горчичный газ (иприт). Однако отсутствие достаточной материальной базы, соответствующей химической промышленности и, главное, средств и способов защиты собственных войск от пагубного действия ядовитых веществ не позволяло применить отравляющие химические вещества в качестве боевого оружия.

ОБ АВТОРЕ

СМОЛЬЯНИНОВ Михаил Митрофанович.

Родился в 1940 году в с. Плоская Вершина Липецкой области (Россия). В 1970 году окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького.

С 1970 года – старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси.

Кандидат исторических наук (1977), доцент.

Автор 4 монографий и более 70 научных статей.

Сфера научных интересов: история Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в Беларуси.

Опыты по использованию химических газов как оружия массового поражения живой силы противника начались во Франции еще в сентябре 1914 года, но инициатива применения их в широком масштабе принадлежала Германии, имевшей к тому времени наиболее развитую химическую промышленность. Тут, по признанию начальника штаба германского Восточного фронта генерала Э. Людендорфа, «много потрудился для теории ведения газового огня тайный советник Габер» [1, с. 324]. Именно им, немецким доктором Ф. Габером, было предложено применение газа в виде облака.

Началом массового применения химического оружия в военных целях считается 22 апреля 1915 года, когда под Ипром (территория Бельгии) его применили немцы против англо-французских войск [2, с. 458]. Однако, как показывают архивные источники и мемуарная литература, впервые химическое оружие было использовано против русских войск на германском Восточном фронте еще в конце января 1915 года у Воли Шидловской (под Варшавой). Как об этом писал в своих мемуарах все тот же генерал Э. Людендорф, «чтобы заставить русских поверить в продолжение наступления, 9-я армия в конце января должна была энергично атаковать в районе Болимова. Для этой цели верховное командование дало в наше распоряжение 18 000 снарядов, в том числе и с удушливым газом... Атака 9-й армии у Болимова состоялась 31 января. Для успешного действия газа мороз был слишком значителен, но тогда мы этого еще не знали. И вообще все произошло так, как было желательно... Атака произвела большое впечатление на русских... Вообще же тактический успех был незначителен. В стратегическом отношении цель была достигнута» [3, с. 122].

В последующих военных действиях немцы периодически продолжали осуществлять газовые атаки против русских войск – 31 мая

1915 года повторно у Болимова (Воли Шидловской). Затем подготовили и 5 августа применили газобаллонную атаку в районе крепости Осовец. В частности, в боях за эту крепость, чтобы взять ее штурмом, а не тратить силы на долгую осаду, заблаговременно скрытно были установлены на ее северном обводе в четырех точках по пять батарей с двадцатью баллонами в каждой. Выждав наиболее благоприятные атмосферные условия для сильнейшего действия отравляющего газа, противник 5 августа (по новому стилю) одновременно привел в действие более 400 баллонов.

По свидетельству очевидца коменданта крепости генерала Бржозовского, «газ, выпущенный из баллонов, темно-зеленоватой окраски, быстро направился вперед к крепости, расширяясь в стороны и вверх при быстром поступательном движении. Действие газового облака, с одной стороны, образовало завесу, скрывающую подступы противника, а с другой – смертельно отравляло все, над чем проходило. Распространение газа вперед... продолжалось до 25 верст, а вверх – на 5–6 сажень. Поражающее действие сказывалось на расстоянии до 12 верст, непосредственно на передовые позиции... было чрезвычайно и для людей в большинстве смертельно... в дальнейшем при распространении вглубь на расстоянии 3–4 верст – выводившим из строя.

Под действием отравляющих газов первыми жертвами стали разведывательные партии и секреты, которые все и погибли. Действие газа на окопы также надо признать смертельным... Большая убыль в офицерах и унтер-офицерах, которым поневоле пришлось руководить нижними чинами, – они почти все погибли. Из строя гарнизона крепости было отравленных и удушенных более 1600 человек, хотя людьми и были приняты все рекомендованные для противодействия газу меры: противогазовые повязки, распылители, зажигание соломы и пакли впереди, мелкие водяные канавки. Они малоэффективны, в большинстве только отвлекающие защитников от оружия. Если о силе и ядовитости газов свидетельствуют наши потери и почти весь до некоторой степени отравленный гарнизон плацдарма и фортов крепости, то все-таки, я утверждаю, только благодаря тому, что утро 24 числа было холодное, туманное и сырое, сильно

росистое, и газу пришлось пройти частично над мокрым болотом, рекой и водными рвами... и это в значительной степени спасло гарнизон от громадных потерь» [4, л. 73].

По заключению генерала Бржозовского, «состав газа, имеющего в основе хлор, определить было трудно, но, безусловно, в нем имела и другая какая-то примесь, усиливающая удушливый эффект». Одновременно «немцами были применены в большом количестве и артиллерийские снаряды, имеющие внутри пикриновую заготовку, которая при разрыве снаряда воспламеняется и выделяет удушливый газ» [4, л. 74].

Наиболее же активно германские войска применяли газовые атаки против российских воинских подразделений Западного фронта, которые в течение почти двух с половиной лет (с сентября 1915 года до 18 февраля 1918 года) занимали позиции на территории Беларуси по линии Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск.

Первая газовая атака на территории Беларуси ими была предпринята в ночь на 20 июня 1916 года (по ст. ст.) в районе города Сморгонь на участке фронта, занимаемом 253-м Перекопским и 254-м Николаевским пехотными полками 64-й пехотной дивизии 26-го армейского корпуса. Свой коварный замысел немцы вынашивали задолго до его осуществления – мешала дождливая погода. Как только погода стала благоприятной, подул юго-западный ветер, так, по словам очевидца, записавшего в журнал боевых действий 253-го Перекопского полка, «в 3 часа 30 минут немцы заиграли на рожках сигналы, затем через несколько минут было обнаружено движение удушливых газов со стороны дер. Ходоки на позиции 254-го пехотного Николаевского полка и левофлангового батальона нашего (253-го пехотного Перекопского. – Прим. авт.) полка... Сейчас же немцы дали залп из всех орудий по передовым окопам, а потом перенесли огонь на батареи и штаб полка из орудий тяжелой артиллерии, снарядами с удушливыми газами. По окопам продолжался ураганный огонь легких батарей. В 6 и 7 часов газовые атаки были повторены... Газы от снарядов ели очень сильно глаза, быстро вызывали тошноту и головную боль. Николаевский полк пострадал очень сильно, многие роты пришлось заменять, так как способных драться оставалось по 10–15 чело-

век. У нас пострадал только 4-й батальон, а больше 14-я рота. Немецкий артиллерийский огонь временами сопровождался ружейным и пулеметным и продолжался восемь с половиной часов. При этом на участке Николаевского полка и нашего 4-го батальона, а затем и 1-го батальона немцы переходили в наступление... Наступали без огня, довольно беспорядочно. Видимо, нижние чины были пьяны. Некоторые достигали наших проволочных заграждений, но дружным пулеметным и ружейным огнем были обращены в бегство... Наступление немцев скорее носило демонстративный характер, с целью вырвать у нас инициативу и заставить израсходовать большое количество снарядов» [5, л. 18].

В результате этой атаки только в 253-м Перекопском полку, который, как считалось, менее пострадал, «общее число отравленных по первоначальным сведениям насчитывалось 350 человек из нижних чинов, из которых 150 умерло. Отравлению подверглись все офицеры 2-го и 4-го батальонов, находившиеся при штабе полка» [5, л. 18].

На позициях 254-го Николаевского полка «страшный шум, похожий на шум паровоза, послышался в 3 часа 10 минут. Вслед за этим наблюдатели увидели густое облако желтоватого дыма,двигающееся на наши окопы. Не было сомнения, что это был удушливый газ» [6, л. 17]. Они сразу же сообщили об этом командирам рот, занимавших позиции. Последние предупредили личный состав о надвигающейся опасности, отдали команду «надеть маски, выдвинули стрелков к бойницам, был сыгран условный сигнал газовой атаки... Были предупреждены и артиллеристы, которые немедленно совместно с ружейным и пулеметным огнем открыли артиллерийский для рассеивания газового облака» [6, л. 17] и отражения наступления немецкой пехоты. Первая атака была отбита.

Спустя 15 минут после первой газовой атаки немцы повторно выпустили из пяти точек газы на участок 254-го полка, одновременно открыв сильный артиллерийский огонь снарядами с удушливым газом. Как было записано в журнале боевых действий 254-го пехотного Николаевского полка, «облако газов окутало позиции 1-й, 3 и 15-й рот 4-го батальона. Газы были очень сильнодей-

ствующие. Бойцы стали падать отравленными. Силы слабели» [7, л. 18].

Вслед за второй газовой атакой, при поддержке артиллерии, в атаку пошла немецкая пехота, численностью около полка. «Им удалось подойти к нашим проволочным заграждениям, – записал очевидец, – но встреченные в упор ружейным и пулеметным огнем защитников окопов германцы отхлынули назад, в свои окопы, понесши огромные потери от нашего огня». Потерпев неудачу, они открыли «убийственный артиллерийский огонь тяжелыми и легкими снарядами по окопам 1-й, 2 и 3-й линий, батареям и всем подступам полкового участка, но в атаку переходить больше не решались... После 9 часов огонь и атаки противника утихли» [7, л. XX].

Вместо выбывших из строя отравленных газами солдат в боевую линию были введены свежие силы из резерва, который, в свою очередь, был пополнен батальоном 255-го пехотного Елисаветградского полка.

Русские солдаты строят землянку. 1916 год

Поздним вечером того же 20 июня, в 22 часа, немцы «после взрыва горна» открыли сильный артиллерийский огонь по окопам, занимаемым батальонами 253-го пехотного Перекопского полка, и по городу Сморгонь. Одновременно пехота противника численностью до трех рот пошла в наступление. Оставшиеся в живых после газовой атаки защитники окопов, подпустив врага почти до своих проволочных заграждений, открыли ружейно-пулеметный огонь. Отражению атаки содействовала артиллерия. Обстрел русских позиций артил-

лерией противника продолжался до 3 часов утра 21 июня. В результате атак противника 254-й пехотный Николаевский полк понес большие потери: отравленными газами 19 офицеров и 1114 нижних чинов, умершими от отравления 147 человек, ранеными 167 солдат и 1 офицер [6, л. 20].

Каким было состояние оставшихся в живых защитников окопов, говорят слова из донесения командира одного из батальонов подполковника Константинова в штаб 254-го пехотного Николаевского полка: «Вновь подтверждаю свою просьбу о смене меня, так как от переутомления ноги подкашиваются, и нет сил больше от такой напряженной и тяжелой работы. Голова отказывается служить. Точно так же прошу о смене поручика Пилигримова с 42 нижними чинами – остатком вверенного мне батальона, совершенно ослабевших после газовых атак. Роты Елисаветградского полка, выносящие трупы из окопов, тоже заболевают. Ротный командир опасается остаться без людей. Люди, которые выносят трупы из окопов за 2 метра, уже не могут идти» [6, л. 9–10].

О слабости сил на участке позиций, занимаемых 3-м батальоном, доносил его командир подполковник Тихонов командиру 254-го Николаевского полка: «В окопах почти никого не остается... В настоящее время это не боевая часть, а жидкое сторожевое охранение, мало способное к сопротивлению. Необходимо принять меры к скорому усилению этого участка, так как газы, несмотря на дезинфекцию окопов, еще действуют. Резервная рота Елисаветградского полка, вынося из окопов трупы, жалуется на отравление газами» [7, л. 12]. «Люди продолжают умирать понемногу, так как удушливые газы противника задержались до сего времени в лощинах и во ржи. Кругом разбрызгивается распылителем содовая вода и принимаются все меры к уничтожению газов», – доносил в штаб полка командир 4-го батальона подполковник Петров [7, л. 8].

Следует заметить, что применяемые в русских войсках средства противохимической защиты в то время были несовершенны, а потому и малоэффективны. Да и их было недостаточно. Немцам это обстоятельство было хорошо известно, чем они и пользовались. Генерал Людендорф, например, позже признавал: «Мы получили газы и ожидали

от применения их больших тактических результатов, так как противогазовая защита у русских еще не была создана» [3, с. 140]. Для противохимической обработки окопов, ходов сообщения и убежищ в данном случае

Немецкие солдаты в окопах перед началом газовой атаки

применялся раствор соды и извести. Однако, по словам комбата подполковника Константинова, «на такой участок требовалось не 10 фунтов выданной извести, а 30 пудов» [7, л. 10]. По причине недостатка противохимических средств остатки газа, сообщалось в донесениях, еще продолжительное время оставались в окопах и продолжали отравлять людей. Командиры батальонов просили «прислать фельдшеров для обследования окопов».

Тем временем коварству немцев не было предела. Нарушив Гаагскую конвенцию 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, запрещавшую применение отравляющих веществ в качестве боевого оружия, они пренебрегли многовековыми христианскими законами и традициями – своевременно предать земле усопших, не давали возможности отрыть могилы и похоронить умерших от удушья солдат и офицеров. Как только рабочие команды приступали к землеройным работам, немцы тут же начинали обстреливать их из артиллерии. Об этом сообщал в штаб полка подполковник Константинов: «Яму для покойников начали копать – противник обстрелял». «Могилы для убитых здесь невозможно вырыть. Я лично водил рабочих на рытье ям, но неприятель стал обстреливать шрапнелью, и я рабочих отпустил», – писал в донесении

подполковник Тихонов [7, л. 10, 12]. «Если ночью начнем рыть яму, то до рассвета не закончим и покойников с места не сможем снести, так как у меня их 150 и у полковника Тихонова не меньше», – сообщал подполковник Константинов и считал «необходимым рыть ямы в тылу и немедленно на платформах или на подводах вывозить трупы, которые на солнце уже разлагаются и уже слышно, как воздух заражен» [7, л. 6]. «Необходимо убрать трупы в окопах, ходах сообщений и во второй линии. Около моего штаба лежат 40 человек – трупов. В одном только месте. Ни одной подводы не прибыло убрать амуницию и массу винтовок, которые заржавели от газов. Прошу незамедлительного распоряжения о содействии мне в этом», – просил комбат в другом доносении [8, с. 76].

Сложилась безвыходная ситуация. Отравленные и умершие от удушья солдаты – более 300 трупов – в течение нескольких дней оставались в окопах и ходах сообщений под палящими лучами солнца. В течение нескольких ночей вывозили трупы на повозках. Погибших похоронили в братских могилах в деревнях Белая и Залесье [8, с. 76]. В ночь на 22 июня 254-й пехотный Николаевский полк, как наиболее пострадавший, был сменен двумя батальонами 255-го пехотного Елисаветградского полка и одним из полков 84-й пехотной дивизии и отведен в резерв в деревню Оленец, где находился до 27 июня. К утру 27 июня 64-я пехотная дивизия полностью была снята с занимаемого участка фронта, отведена в резерв командующего армией и сосредоточилась в районе деревни Сивица, позже в составе колонны проследовала в район местечка Ивенец [6, л. 25]. Позиции в районе города Сморгонь заняли части 1-й Кавказской гренадерской дивизии.

Ровно через месяц, в ночь с 19 на 20 июля (по ст. ст.) 1916 года, противник повторил газобаллонную атаку на том же участке фронта, но уже против частей 1-й Кавказской гренадерской дивизии. По-видимому, это неслучайно. На участке фронта, где были применены газы, германские окопы находились от окопов русских войск на расстоянии от 550 шагов на правом фланге до 2000–2200 на левом, местность между ними была ровная, открытая, поросшая довольно высокой травой и рожью, слегка понижаясь

в сторону русских окопов. Разведкой было установлено, что данный участок занимаемых позиций представляет большую опасность в случае применения противником газовой атаки. Кроме того, задолго до этого по ночам наблюдались подозрительные работы на германских позициях: подвоз на автомобилях и поездах и разгрузка с шумом и грохотом каких-то тяжелых предметов. Накануне газовой атаки из окопов противника доносились звуки музыки и пение песен. В ночь на 20 июля немцы временами открывали ружейный и пулеметный огонь, бросали мины. Как оказалось, все это делалось для маскировки подготовительных работ по выпуску газов.

Газовая атака началась артиллерийским огнем в начале первого часа ночи 20 июля. Вскоре немцы выпустили газ из баллонов на участке фронта в 3–3,5 версты. Разведчики и секретеры русских позиций приняли шум вырывающегося из баллонов газа за выпуск пара из паровоза или шум мотора. Сигналы красными ракетами, игра на рожках ими также были приняты за обычный шум на позициях противника. Только почувствовав отравляющее действие газа на себе, они поняли, что началась газовая атака, но растерялись: надели противогазы, не могли своевременно подать сигналы голосом. Некоторые из них бросились бежать в окопы, чтобы предупредить о газовой атаке, но газ довольно быстро накрыл позиции и охватил всю Сморгонь. Продолжительность движения первой волны отравляющего газа составляла от 40 до 50 минут.

Вслед за первой, основной газовой волной до 6 часов утра немцы с определенными промежутками времени выпустили еще шесть газовых волн. При попытке выпустить седьмую волну резко поменялось направление ветра – вдоль окопов, что заставило противника немедленно прекратить газовую атаку. Как было установлено, состав газа был из хлора и фосгена, с примесью других веществ, придававших ему при первоначальном воздействии приятное ощущение. Запах фруктов, скошенного сена, горького миндаля и т.п. после первых вдыханий быстро сменялся на резкий, неприятный, удушающего свойства. Все это сыграло коварную роль, введя в заблуждение своим «приятным» запахом защитников окопов,

замедливших принять меры противохимической защиты.

Потери в полках 1-й Кавказской гренадерской дивизии были огромны. Отравленных газами из строя выбыло 46 офицеров и 3800 нижних чинов, в том числе умерло от удушья 4 офицера и 282 нижних чина [9, с. 98].

Во время газовой атаки пошли в наступление четыре цепи германской пехоты. Благодаря активным действиям защитников русских окопов совместно с артиллеристами, атака была отбита. Пример самопожертвования при этом проявили офицеры находившегося на позициях 14-го гренадерского Грузинского полка во главе с командиром 3-го батальона полковником Отхмезури, снявших противогазы, чтобы солдатам лучше были слышны их распоряжения и команды. Все они погибли. Самоотверженно сражались открывшие свой огонь по наступающей немецкой пехоте находившиеся на дежурстве артиллеристы 1-й батареи 84-й артиллерийской бригады и 3-й батареи 2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона, вслед за ними и вся артиллерия сморгонского участка.

Общие потери в находившихся на позициях полках 1-й Кавказской гренадерской дивизии и соседней с ней 48-й пехотной дивизии составили более 8000 человек [10, с. 308].

Причин больших потерь было несколько: запоздалое предупреждение о газовой атаке противника, недостаточно отработанные навыки применения средств противохимической защиты и несовершенство имевшихся средств, большое скопление людей на позициях по причине происшедшей смены батальонов 14-го гренадерского Грузинского полка батальонами 15-го гренадерского Тифлиского полка, большая – более 6 часов – продолжительность газовой атаки.

После этой наиболее сильной газовой атаки немцев против русских войск Западного фронта решило не остаться в «долгу» и российское командование. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Эверт уже 23 июля 1916 года телеграфировал командующим армиями фронта: «За последнее время немцы произвели две газовые атаки, которые, главным образом, вследствие их длительности (от

2 до 6 часов) повлекли в атакованных частях значительные потери... Располагая необходимыми для газовых атак средствами, не следует оставаться в долгу у немцев, почему приказываю шире использовать активную деятельность химических команд, чаще и интенсивнее применяя выпуск удушливых газов по расположению противника... Но,

Отравленные газами под Крево отправляются на эвакуационный пункт

конечно, каждая атака должна быть обдумана, хорошо разработана, сопровождаться атакой пехоты» [9, с. 108].

Первая газовая атака со стороны русских войск Западного фронта против неприятеля была произведена также в районе Сморгони на участке неприятельских позиций от реки Вилии у деревни Перевозы до деревни Боровой Млын расстоянием в 2 версты. Для ее осуществления был разработан целый ряд мероприятий. В первой линии окопов было устроено 129 ниш для размещения баллонов. Для удобства управления выпуском газа фронт в 1800 метров был разделен на четыре участка. Против каждого из них во второй линии окопов устроены по блиндажу (складу) для хранения баллонов. От каждого блиндажа к первой линии окопов были проделаны широкие ходы сообщения.

По окончании подготовительных работ в ночное время 22 и 23 августа в блиндажи (склады) были завезены 1700 малых и 500 больших баллонов (вместивших 2025 пудов жидкого газа) и необходимое для его выпуска специальное имущество. Затем, как только из штаба фронта было получено разрешение, велись тщательные метеорологические наблюдения для выбора удачного момента для

выпуска газа. С установившимся выгодным направлением ветра 5-я химическая команда при содействии солдат 3-го батальона 5-го пехотного Калужского полка приступила к переноске баллонов в передовые окопы. Эти работы были закончены, и сразу было получено разрешение начальника дивизии на выпуск газа.

Газовая атака русских началась 24 августа в 3 часа 30 минут одновременно на всем участке. Вырываясь из баллонов, газ поднимался вверх до 4 метров, затем, опускаясь, сплошной лавиной хлынул на окопы противника. Немцы были застигнуты врасплох. Только через восемь минут они открыли сильный минометный, бомбометный и артиллерийский огонь по русским окопам первой линии, который вскоре был подавлен русскими стрельбой химическими снарядами. Однако артиллерией противника уже были разбиты два блиндажа (склада) и одна ниша с баллонами (3 баллона были совершенно разбиты и 3 сильно повреждены). Вырывающийся из баллонов в большой массе газ не успевал расплытаться, обжигал находившихся вблизи людей, стал заполнять свои же окопы. Кроме того, неожиданным порывом ветра газовую волну, достигшую реки Оксны, сдвинуло влево через русло и не только захватило более широкий участок позиций противника, но и потянуло ее вдоль русских окопов. В связи с этим выпуск газа был немедленно прекращен, газовая атака не удалась. Вместо запланированных 40 минут она продолжалась 15 минут.

22 сентября (по н. ст.) немцы ответили своей газовой атакой южнее озера Нарочь против частей 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Выпущенные ими две волны удушливых газов проникли далеко за линию фронта по линии деревень Узла – Брусы, выведя из строя 2660 человек [8, с. 83].

Почти одновременно, 25 сентября, последовала очередная газобаллонная атака немцев в районе железнодорожной станции Барановичи против войск 2-й армии Западного фронта. Объектом для непосредственного нападения был выбран небольшой плацдарм русских на западном берегу реки Щара в непосредственном соприкосновении с противником. Уже за неделю до атаки русскими были замечены признаки подготовки неприятеля к химической атаке: были

слышны шум в окопах и лязг устанавливаемых баллонов. Поэтому командованием была предпринята подготовка к отражению химического нападения: проверена сноровка личного состава в надевании противогазов, подготовлены солома и хворост для костров, налажена сигнализация, роздана мазь для смазывания оружия. Кроме того, начальником боевого участка генералом Носковым был разработан план действий на случай отказа связи или затруднения в ее использовании, с начальником артиллерии участка было условлено немедленное открытие заградительного огня по расположенной в центре плацдарма деревне Адаховщина и прилегавшей к ней местности. Пулеметчикам и стрелкам было приказано, в случае германской атаки ночью или под прикрытием густого газового облака, немедленно открывать огонь по проволочным заграждениям прямо перед собой.

Перевязочная в вагоне поезда. Март 1916 года

Однако наличие постоянной опасности быть атакованными, слишком частые предупреждения о возможности газобаллонной атаки и назидания командования притупили чувство опасности у личного состава и привели к разговорам типа «штабы зря пугают вот уже второй день» [9, с. 101]. Кроме того, ко времени начала атаки, с 18 часов 24 сентября, опустился довольно густой туман, моросил, усиливаясь, дождь. Все это в представлении личного состава делало газобаллонную атаку маловероятной. Поэтому, когда наблюдатели и разведчики атакуемого участка позиций услышали характерное шипение выпускаемого из баллонов газа, не сразу поняли, в

чем дело. Только в начале первого часа 25 сентября, спустя 7–9 минут, ясно почувствовал запах хлора и фосгена и увидев при свете ракеты светло-зеленое облако газа, двигавшееся от окопов противника, они приняли меры предосторожности и оповещения. Таким образом, время было упущено. Связь бездействовала несколько минут, звуковые и световые сигналы также были даны с запозданием. Через несколько минут полной тишины русские со всего атакуемого участка открыли ружейно-пулеметный огонь, зажгли костры для рассеивания газового облака. Вскоре и германская артиллерия, пользуясь пристрелочными данными и светом зажженных костров, открыла меткий огонь по русским окопам, командным пунктам и мостам через реку Щару. Под прикрытием артиллерийского огня немцы в противогазах подошли к проволочным заграждениям и залегли. Для отражения штурма в окопах осталось мало способных драться (особенно в деревне Адаховщина). Выручила артиллерия, открывшая заградительный огонь. Попытки врага проникнуть в русские окопы были отбиты.

Ширина участка фронта, подвергнутого действию газового облака, составила около 5 километров к югу от железной дороги. Наиболее густые облака газа были выпущены против рот 6-го гренадерского Таврического полка, занимавших окопы у деревни Якимовичи и рот 8-го гренадерского Московского полка у деревни Адаховщина и к югу от нее. На этих местах газовое облако проходило в общей сложности около полутора часов. Из-за болотистой местности и дождливой погоды его отравляющее действие вглубь тыла достигло 8 км, при общем проникновении до 13 км. Во время газобаллонной атаки в сфере действия газов на позициях находилось 1765 гренадер 6-го Таврического и 3130 – 8-го Московского гренадерских полков, всего 4895 человек. Из них получили отравление и были эвакуированы 988 человек, в том числе умерших до 1 октября было зарегистрировано 76 человек [9, с. 103].

Находившиеся в деревнях Подлесейки и Ятвезь резервные 5-й Киевский и 7-й Самогитский гренадерские полки и часть команд 6-го Таврического и 8-го Московского гренадерских полков почти не пострадали. Случаев отравления со смертельным исходом

среди них не было. Два случая тяжелого отравления наблюдались в имении Подлесейки, имели место отравления и в имении Селявичи. После газобаллонной атаки во всех окопах было обнаружено большое количество мертвых мышей и птиц, а в 8-м гренадерском Московском полку погибло 8 лошадей.

Русские солдаты у могилы товарища. 1916 год

Относительно небольшая численность жертв среди личного состава в результате газовой атаки, кроме метеорологических условий, объяснялась также тем, что нижние чины 2-й гренадерской дивизии к этому времени вместо марлевых повязок в основном были экипированы противогазами системы Зелинского – Кумманта, а также хорошо обучены их использованию.

Спустя месяц, в ночь с 24 на 25 октября 1916 года, в том же районе железнодорожной станции Барановичи с участка фронта, занимаемого частями 2-й гренадерской дивизии, русские произвели свое первое большое газовое нападение на противника. Подготовка к атаке началась еще 18 августа передачей штабом 2-й армии 6-й химической команды в распоряжение 3-го Гренадерского корпуса с целью осуществления газобаллонной атаки на плацдарме Ольсевичи (северо-восточнее ст. Барановичи), который химической разведкой фронта армии был признан наиболее подходящим для такой операции: по рельефу 3-километровой по фронту впереди лежащей местности и оборудованности окопов. По одобрении участка штабом армии начались работы: выбор места для постройки и строительства девяти

блиндажей для хранения 5000 баллонов, ходов сообщений и оборудование мест для контрольной метеорологической и телефонной станций [9, с. 104].

Фронт газовой атаки был намечен в 750 метров, а на участке фронта в один километр намечалась демонстрация атаки из белого дыма, чтобы ввести в заблуждение противника, заставить его разбросать свой артиллерийский огонь по всему задействованному участку фронта и уменьшить опасность повреждения газовых батарей. Учитывая неудачный опыт прошлого, подготовка данной газобаллонной атаки проводилась особенно тщательно. Перевозка баллонов, снаряжения к ним, гидропультов, дымовых шашек заняла три ночи – 6, 7 и 8 октября – и производилась с наступлением сумерек специально обученным составом команд. Всего было заготовлено 700 ниш (по числу батарей). К 12 октября была завершена переноска баллонов в ниши. Об этом был уведомлен начальник штаба.

Для оказания медицинской помощи раненым и на случай отравления газом было организовано три медицинских пункта, которые были снабжены кислородными подушками с достаточным запасом кислорода в баллонах, перевязочным материалом, медикаментами, горячей водой для чая и кофе. Кроме того, в первой линии окопов находились отряды санитаров, снабженных сумками с медикаментами, противогазами и кислородными подушками. На случай отравления были заготовлены горячий крепкий чай и кофе с коньяком, раствор лимоннокислого натрия, нашатырно-анисовые и эфирно-валерьяновые капли [9, с. 105].

Все подготовительные работы были закончены к 25 октября. Дело оставалось за наиболее эффективным для газовой атаки направлением ветра – восточно-северо-восточным с самым незначительным колебанием к северу или югу, так как основной целью для атаки была намечена сильно укрепленная высота под условным номером 92,8, расположенная напротив центра химического участка, где были сосредоточены наиболее крупные силы врага. Истекал тринадцатый день нервного и напряженного ожидания нужного направления ветра. Как только во второй половине дня 24 октября ветер подул с северо-востока, об этом тут же

было доложено начальнику штаба 2-й армии, от которого немедленно было получено приказание быть в 19 часов всем наготове. Благоприятное направление ветра с небольшими временными отклонениями продержалось до 24 часов. До 22 часов стрелки – защитники окопов – были отведены, чтобы не создавать помех газопускателям, а также и для подстраховки от отравления. В первой линии этого участка фронта оставались только пулеметчики и наблюдатели. Даже караулы были сняты.

В 22 часа 40 минут газ был пущен. Первая линия окопов противника на удалении 600 м по центру и до 900 м на флангах участка газовой волны была накрыта густым облаком газа. Немцы подняли тревогу. Были слышны шум, звуки рожков и удары о металлические предметы. В окопах зажгли костры, которые были редки, слабы и горели недолго. Спустя 7–8 минут немцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь по русским окопам. Через несколько минут обстрел стал ослабевать, затем совсем прекратился. Артиллерия же открыла редкий огонь только через сорок минут, который также скоро прекратился.

Вслед за первой газовой волной со стороны русских через 20 минут последовала вторая из 4 батарей с большими баллонами продолжительностью от 35 до 40 минут. Затем третья волна. Газовое облако, расширяясь по фронту, на пути своего движения под влиянием ветра охватывало все новые и новые участки неприятельских окопов и распространилось в тыл, по предположениям разведки, на 10–12 км. Одновременно с газовыми волнами расположением противника обстреливалось артиллерией химическими снарядами [9, с. 109].

По завершении газовой атаки русские окопы были очищены от накопившегося газа и заняты их защитниками. Высланные вперед разведчики и резчики проволоки на неприятельских заграждениях работали до рассвета. Затем они были обнаружены противником и преимущественно с флангов отравленного газами участка обстреляны ружейно-пулеметным огнем. Прорвать заграждения более чем в 20 рядов сплетенной колючей проволоки не удалось.

Эта газобаллонная атака русских считалась значительной и весьма удачной. Она

нанесла большой ущерб немцам. 25 октября в течение всего дня по дороге от Дукова к Барановичам туда и обратно сносили лазаретные линейки, по-видимому, вызвавшие отравленных газами. Пострадавшие от газа были и среди русских: 1 человек умер, эвакуировано 20 нижних чинов постоянного состава химической команды и 48 человек из команды переменного состава, получившие различной степени раздражение слизистой оболочки бронхов и легких, хотя и были защищены респираторами Зелинского – Кумманта [9, с. 105].

Спустя несколько дней, 27 октября 1916 года, немцы севернее Барановичей, в районе Скробово, применили против русских не менее варварское оружие – огнеметы. На этом участке фронта позиции русских войск состояли из трех линий окопов. Причем первая линия находилась на удалении от противника от 15 м до 200 м. Местами проволочное заграждение было общим, а на участке позиций, занимаемых 217-м пехотным Ковровским полком 55-й пехотной дивизии, вообще не было. Такое сближение окопов противников делало удобным применение огнеметов. Личному составу русских войск к этому времени далеко не всегда были известны устройство и принцип действия огнеметов.

27 октября немцы, совершив три неудачные попытки атаковать русские позиции (они ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем русских загонялись обратно в свои окопы), пошли в четвертую атаку с применением ранцевых огнеметов. Причем в местах наибольшего сближения окопов (217-го Ковровского и 218-го Горбатовского полков) на 15–20 метров, они применяли огнеметы, не выходя из своих окопов, поджигали окопы русских и находившихся в них защитников. На других, более отдаленных участках от русских позиций, немцы, выйдя из окопов, устраивали перед собой дымовую завесу огнеметами же, под прикрытием которой приближались к русским окопам, направлялись вдоль их, поливая горячей смесью. По показаниям свидетелей и участников этого боя, некоторые аппараты немцев, кроме того, выбрасывали и не горящую жидкость, разъедавшую одежду в местах, куда попадали брызги [9, с. 50]. Возможно, это была серная кислота.

Эскизный проект мемориального комплекса по линии противостояния в Первую мировую войну 1915–1917 годов в г. Сморгони

Таким образом, в Первую мировую войну немцы, начав применять химические отравляющие вещества против войск российского Северо-Западного фронта еще в 1915 году на территории Польши, наиболее активно вели газовые атаки против войск уже Западного фронта на территории Беларуси в 1916 году. Русские войска, отстававшие от германских войск в военно-техническом отношении в целом, уступали противнику в химическом оружии как средстве массового поражения, а также и в умении применять его, и в средствах защиты от него. С развитием последнего газовое оружие в германских войсках с конца 1916 года стало уступать место артиллерийским снарядам, начиненным отравляющими веществами, а также огнеметам. ▬

ЛИТЕРАТУРА

1. Людендорф, Э. Мои военные воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т. / Э. Людендорф. – Т. 1. – М., 1923.
2. Советская военная энциклопедия: в 8 т. [гл. ред. А.А. Гречко]. – Т. 2. – М., Воениздат, 1976.
3. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М.; Минск, 2005.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 1453.
5. РГВИА. – Фонд 2865. – Оп. 1. – Д. 30.
6. РГВИА. – Фонд 2866. – Оп. 1. – Д. 92.
7. РГВИА. – Фонд 2866. – Оп. 1. – Д. 84.
8. Лигута, В.Н. У Сморгони, под знаком Святого Георгия / В.Н. Лигута. – Минск: Изд-во В. Хурсика, 2010.
9. Де-Лазари, А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. / А.Н. Де-Лазари. – М., 1935.
10. Керсновский, А. История русской армии: 1881–1916 гг. / А. Керсновский. – Смоленск, Русич, 2004.